

Р
УССКИЕ В ГРУЗИИ

КОНСТАНТИН ЗИССЕРМАН

ЛЕТОПИСЕЦ КАВКАЗА

АРНОЛЬД ЗИССЕРМАН

БИБЛИОТЕКА МЕЖДУНАРОДНОГО КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОГО
СОЮЗА «**РУССКИЙ КЛУБ**»

КОНСТАНТИН ЗИССЕРМАН
ЛЕТОПИСЕЦ КАВКАЗА
АРНОЛЬД ЗИССЕРМАН

Тбилиси
2021

Русско-грузинские культурные взаимоотношения поистине являются историческим феноменом, не имеющим аналогов.

Россию и Грузию связывают 11 веков взаимного общения. Начало этих отношений восходит к X веку – в древнерусских летописях упоминаются Грузия и Тбилиси. В 1491 году были установлены дипломатические отношения. При Петре Первом на берегах речки Пресни близ Москвы заложена Грузинская слобода (в просторечье – «Грузины», ныне – Большая Грузинская). А с конца XVIII века, после заключения в 1783 году Георгиевского трактата, отношения стали особо тесными и интенсивными.

На покровительство Грузия отвечала помощью и поддержкой – в том числе, культурной, духовной. Приют, пристанище здесь обретали многие великие русские – опальные и гонимые в России, в Грузии они всегда находили свободу, работу и почитание.

Серия «Русские в Грузии» – первый опыт систематизированного освещения богатейшей истории пребывания в Грузии выдающихся российских деятелей искусства, религии, науки, литературы, спорта, достойных благодарной памяти потомков.

Серия стала настоящей энциклопедией русско-грузинских взаимоотношений.

Проект направлен на популяризацию российского культурного наследия, возрождение интереса к России в Грузии и к Грузии в России, активизацию общественного диалога и культурного общения двух православных народов-соседей.

Издатель –

Международный культурно-просветительский Союз

«Русский клуб»

Руководитель проекта –

НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

заслуженный деятель искусств РФ,

заслуженный артист РФ

При поддержке фонда **«Русский мир»**

© **Русский клуб. 2021**

ISBN 978-9941-8-3791-3

ОТ АВТОРА

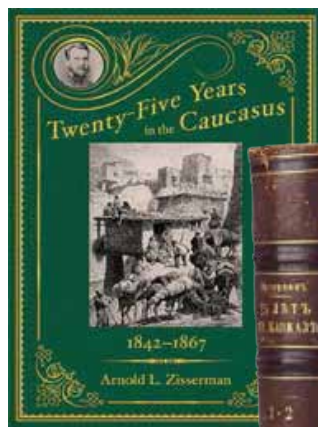

Хотелось бы выразить особую признательность Виктору Ивановичу Комисарчуку – жителю Тбилисского района Краснодарского края, который когда-то заинтересовавшись происхождением названия хутора Зиссермановский, открыл для себя незаурядную личность А.Л. Зиссермана и настолько впечатлился ею, что изыскания жизни и деятельности Арнольда Львовича превратились в увлечение всей его жизни.

Он прочел мою статью в русско-австралийской газете «Единение», в которой я описывал свою поездку на родину (в частности, в Лутовиново) в 2008-м году. Завязалась переписка. До того, как я начал переписываться с Виктором Ивановичем, я даже не знал о существовании хутора Зиссермановского, и это было для меня радостной новостью. Благодаря Виктору Ивановичу получил много новых данных о своем прадеде, о Тбилисском районе Краснодарского края. Моя семья, состоящая из моего отца Николая Владимировича Зиссермана, меня, двух моих братьев и бабушки – матери моей мамы, в 1957 году переехала из Китая в Австралию. Жена у меня русская, урожденная Попова. В семье сохранился русский язык и русские традиции. Меня особенно радует, что наши многолетние поиски документов о деятельности Арнольда

Львовича Зиссермана сформировались в семейную хронику событий и вошли в серию книг «Русские в Грузии». Моя связь с издателями серии завязалась благодаря Нинель Мелкадзе сотруднику Национальной парламентской библиотеки Грузии.

Особая благодарность Питеру Скиннеру – англичанину, живущему в Нью Йорке, большому поклоннику Грузии, редактору главного труда Арнольда Львовича «25 лет на Кавказе 1842-1867» в переводе на английский язык.

ВСТУПЛЕНИЕ

*Посвящается основоположнику
«Зиссерманологии» Виктору Иванову
вичу Комисарчуку*

Среди выдающихся русских писателей, ученых и государственных деятелей немало носителей польских, немецких и других иностранных фамилий. Так, например, у Владимира Ивановича Даля – русского писателя, лексикографа, автора «Толкового словаря живого великорусского языка» не было ни капли русской крови: он был датчанин. Однако жизнь и подвижническая деятельность Даля являются удивительным примером служения своему отечеству – России. В этом он определился в ранней юности, когда ступив на берег Дании окончательно убедился в том, что отечество его – Россия.

Немцы на Руси появились еще в допетровские времена. В эпоху Петра I и Екатерины Великой миграция немецкого населения в Россию приобрела крупные размеры. Многие выходцы из Германии и других стран, сохранив родовые фамилии, приняли впоследствии Россию как свое отечество.

К числу русских писателей – носителей немецкой фамилии относятся и военный историк Кавказа, мемуарист, этнограф, русский офицер, полковник Арнольд Львович Зиссер-

ман – одна из ярких личностей кавказской жизни середины XIX века. Его книги, статьи, письма до сих пор широко цитируются в научной литературе об истории Кавказа. В них он не только отразил в красочной и интересной форме подробности важнейших событий того времени и создал портреты ведущих кавказских деятелей, но также оставил детальные описания быта и нравов многочисленных народностей Кавказа. Поскольку его главный труд – «25 лет на Кавказе – 1842-1867» является мемуаром, то описание природы, людей и происшествий тесно переплетается в нем с биографией самого автора и создается автопортрет незаурядного человека. Есть, правда, в этом автопортрете и некоторые пробелы – например, автор ничего не сообщает о своей семье, своем образовании, а также о последующей женитьбе и детях. Недостающие детали этого автопортрета мы восполнили из семейной хроники Зиссерманов, а также из доступных источников.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ, СЕМЬЯ, ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ

Арнольд Львович Зиссерман родился 23 ноября (5 декабря) 1824 года. Местом его рождения обычно указывается город Каменец-Подольский в Западной Украине, но это вызывает некоторое сомнение, как станет очевидно из нижеизложенного. Его отец, Лев Арнольдович (или, как он впоследствии называл себя, Лев Карлович) Зиссерман, выходец из Австро-Венгерской империи, был военным (а впоследствии и гражданским) врачом на российской службе.

Забегая вперед более чем на столетие, скажем, что в семье потомков Зиссерманов царило убеждение, что Лев Арнольдович прибыл в Россию из Лейпцига, где он якобы окончил медицинский факультет. И только лишь в XXI столетии, благодаря современной информационной технологии нам удалось установить, что на самом деле он родился в городе Броды, который теперь тоже находится в Западной Украине, а в те времена, после раздела Речи Посполитой, располагался на территории Австро-Венгерской империи. Это был пограничный город с Россией. С 1779 по 1880 годы он имел статус вольного торгового города,

– «порто-франко» и был вторым по значению (после Львова) центром Галиции.

В 2012 году в Российской национальной библиотеке в Петербурге мы совершенно случайно обнаружили «клад» – записную книжку Льва Арнольдовича Зиссермана. С большим трудом нам удалось достать копию. Книжка была написана на немецком языке, старинным готическим шрифтом и, к нашему разочарованию, не содержала почти ничего, кроме ряда довольно шаблонных афоризмов и высказываний нравоучительного характера. Лишь на самой последней страничке было несколько слов о самом владельце книжки.

Страница из дневника Л. А. Зиссермана

Вот что он писал: *«Поскольку я почти уверен, что эти записки с их разнообразным содержанием не будут прочитаны и не принесут пользы, то я заканчиваю эти свои каракули.»*

Я хочу только добавить, что все мои знания, и все то, чем я стал, было достигнуто моими собственными усилиями. Как сирота, без помощи и без обучения, я был вынужден сам доставить себе образование... Преимуществом такого запоздалого самообразования являются большее усердие, избегание ошибок молодости, сильное стремление к знанию и достижение моральной зрелости и независимости. Поэтому через несколько лет я был готов поступить на медицинский факультет. Итак, на 25-м году жизни я стал императорским и королевским австрийским врачом». «Императорский и королевский» обозначало в Австрии «официальный», «государственный». Нам удалось установить, что в 1828 году Лев Арнольдович окончил медицинский факультет Венского университета, но начал он учебу в каком-то другом университете, скорее всего в Лемберге (сегодняшнем Львове). «Это ремесло требует уверенности в себе, чтобы получить приличное положение, большого знания мира и людей и немного шарлатанства. Всего этого мне не хватало, и к тому же я пустился по этому трудному пути уже обремененный семьей. Из-за этого было трудно выбраться из посредственных обстоятельств, и я был рад всего лишь заработать на хлеб насущный. Россия в те времена была Эльдorado для врачей, и я пустился туда в 1829 году. Там я должен был пройти еще один докторский экзамен. В 1830 году в Харькове я получил право практиковать как «свободный врач». Но в русской Ка-

лифорнии тоже не все было хорошо, и свободная практика не давала мне достаточно заработка, чтобы доставить подходящее образование моим детям. Поэтому я поступил в военный госпиталь в Санкт-Петербурге и прослужил как гражданский и военный врач с 1832 до 1865 года без перерыва. На государственной службе я был в своей стихии. Не нужно было искать снисхождения публики, и поэтому можно было работать более независимо и свободно. Амбиция и пунктуальность в исполнении обязанностей были важны. Эти личные черты, вместе с моей прирожденной гибкостью к требованиям дисциплины, помогли мне достичь положения, которое, хоть и не блестящее, было очень удовлетворительным для моего ранее запущенного образования. Я могу быть удовлетворен, что я жил не без пользы. Мой врожденный талант к аналитическому наблюдению, и основное понимание и сопоставление предметов помогли мне написать много медицинских статей, которые были опубликованы в газетах «Друг здравия» в Петербурге и в «Московской Врачебной Газете», а также даны мною на лекциях Кавказского Бальнеологического Общества, а впоследствии я стал действительным членом петербургского и московского Бальнеологических Обществ Врачей... Я добросовестно работал с возраста 25 лет до 1869 года, т.е. в течение 53 лет [Примечание: Здесь ошибка в подсчете, но пожилому человеку простительно!], и выполнил свои обязательства самому себе, своей

Каменец-Подольская крепость. Цветная гравюра Hildibrand по рисунку Т. Taylor

семье, публике и государству. Это мне в старости дает хорошие воспоминания. Я должен повторить то, что я уже заметил в своих предыдущих каракулях, а именно, что после долгих лет работы, и несмотря на слабую конституцию и болезненность ребенком, я довольно-таки здоров в возрасте 76 лет, и за это я могу благодарить хранящее Провидение. Эта короткая автобиография предназначается, как эпилог к моим другим запискам, которые все основаны на моей работе и жизненном опыте».

В 1833 году Лев Арнольдович был назначен ординатором в Каменец-Подольский военный госпиталь, а в 1841 году перешел на гражданскую службу уездным врачом там же. Нам неизвестно, каким образом

его место службы оказалось так недалеко от его места рождения – от Каменец-Подольского до Брод всего лишь около двухсот километров (хотя они тогда находились в разных государствах, и между ними проходила граница). Возможно, это было просто совпадение; с другой стороны, можно предположить, что он специально искал назначение в родные места.

Лев Арнольдович был женат на Каролине Бэр, купеческой дочери, о ней нам, к сожалению, неизвестно ничего.

Арнольд Львович был их старшим сыном. За ним следовали еще три сына – Юлиан, Генрих, Карл и дочь София. Семья была лютеранского вероисповедания и, насколько нам известно, в семье разговорным

Александр Бестужев-Марлинский

языком был немецкий. Мальчики учились в Каменец-Подольской гимназии. Романтик по натуре, Арнольд Львович с детских лет грезил путешествиями, много читал. Время его ранней юности совпало с периодом, когда господствующим направлением в русской литературе был романтизм, ярким представителем которого являлся А.А. Бестужев-Марлинский – один из первых создателей русской романтической прозы. Для своего времени и для последующих поколений романтизм прозы Марлинского занимал особое место среди читающей публики. Его сочинениями не только зачитывались, но их заучивали наизусть. Его называли «Пушкиным прозы, гением первого разряда, не имеющим соперников в литературе» (энциклопедия Брокгауза и Ефрона). Известно, что внимательным читателем «Аммалат-бека» был Михаил Лермонтов,

в юнкерском альбоме которого четыре рисунка являются иллюстрациями к этой повести. И даже будущий император Александр II увлекался Марлинским. («Двадцать пять лет на Кавказе»).

Не избежал влияния романтического обаяния кавказских повестей и рассказов Марлинского и Арнольд Львович Зиссерман. В полном восторге от «Аммалат-бека», «Мулланура», других рассказов и повестей о Кавказе Марлинского он решил *«бросить все и лететь на Кавказ, в эту обетованную землю с ее грозной природой, воинственными обитателями, чудными женщинами, поэтическим небом, высокими, вечно покрытыми снегом горами и прочими прелестями, неминуемо воспламеняющими воображение семнадцатилетнего юноши, с детства уже обнаруживавшего чрезвычайную склонность к ощущениям более сильным, чем обыкновенные школьные забавы»*. («Двадцать пять лет на Кавказе»).

ПУТЕШЕСТВИЕ НА КАВКАЗ

Но как привести мечту в исполнение? Случайно один знакомый Арнольда Львовича, канцелярский чиновник, с которым он заговорил о Кавказе, вспомнил, что согласно новому положению об этом крае,

Военно-Грузинская дорога

служащим в нем предоставляются льготы. Предварительно прочитав составленное сенатором бароном Ганом «Положение об управлении Закавказским краем 1840 года», они в начале декабря 1841 года отправили прошения к тифлисскому [Примечания: Мы употребляем здесь географические названия, распространенные в описываемое время – например, «Тифлис», «Грозная», и т.д.]. губернатору о принятии их на службу в его ведомство. Юному Зиссерману тогда только что исполнилось семнадцать лет. Месяц шел за месяцем, а никакого ответа не последовало, и товарищи потеряли всякую надежду и стали подумывать о службе в Восточной Сибири, *«лишь бы куда-нибудь подалее пропутешествовать и удовлетворить страсти к передвижениям и сильным ощущениям»*. («Двадцать пять лет на Кавказе»). Однако

в середине мая 1842 года в губернском правлении получили бумагу из Тифлиса о том, что просьбы молодых людей удовлетворены. С восторгом выслушав это известие, они после коротких сборов, получив подорожные и прогонные деньги, без малейших опасений за будущее, 30 мая 1842 года пустились в далекий путь. Можно представить себе беспокойство и протесты отца и матери, неизбежные споры, которые происходили в семье, затем сборы семнадцатилетнего юноши почти на другой край света, на Кавказ, в Тифлис, в самый разгар Кавказской войны. Путешествие на перекладных было долгим и мучительным – через весь юг Российской империи, по степям Екатеринославской и Херсонской губерний, через Таганрог, в Ставрополь. Тут перед ними предстал во всем своем великолепии Кавказский хребет. Интересно срав-

Никанор Чернецов. Дарьяльское ущелье

Тифлис. 1840

нить описание этого волшебного вида у Зиссермана и у Александра Солженицына в его романе «Август четырнадцатого». У Зиссермана: *«Несмотря на четырехсотверстное отдаление, в светлое утро хребет весь, как выточенный рельеф гигантических размеров, величественно поднимался между мглою долин и синевую неба... Вправо показывается Эльбрус, как будто окруженный четырьмя огромными, отдельно стоящими холмами, и все это кажется рукой подать»*. У Солженицына: *«Они выехали из станицы прозрачным, зорным утром, когда при первом солнце весь хребет, ярко-белый и в синих углубинах, стоял доступно близкий, видный каждым своим изрезом, до того близкий, что человеку*

непривычному помнилось бы доказать к нему за два часа». Но можно было ехать весь день, а хребет не приближался, а наоборот, как будто таял и исчезал в облаках.

И вот, наконец, юноши прибыли в Тифлис. Первое впечатление этого экзотического города было волнующим: *«На каждом шагу встречалось столько разнообразия, столько обращавшего на себя внимания приезде; так было мало сходства с нашими городами, столько смеси восточного с западным, что только талантливая кисть могла бы живо набросать эту картину... Взгляните на этого важного персиянина, в высокой остроконечной папахе, в нескольких, одетых один на другой бешметах, подпоясанного широкою*

кашмирскую шалью, постукивающего коваными каблуками зеленых кошей. Полюбуйтесь на этого грузина: какая красивая физиономия, какая энергия во всех движениях, как он хорош в своей загнутой папахе, в чухе с закинутыми на плечи рукавами...». («Двадцать пять лет на Кавказе»).

ЖИЗНЬ В ТИФЛИСЕ И ТИОНЕТАХ (ТИАНЕТИ)

Арнольд Львович поступил писмоводителем в Палату государственных имуществ. Однако реальная жизнь оказалась не такой

романтической, как ему представлялось. Работа его состояла в бесконечном переписывании различных документов. Устав от однообразной канцелярской рутины, ему страстно захотелось в горы, в тот романтический Кавказ, о котором так много читал и воображал. Вот как описывает он свое состояние: «Скука и тоска, одолевавшие рано или поздно всех приезжих, отсутствие всяких общественных удовольствий при ежедневных утомительно-механических занятиях переписыванием «так, как и потому» делались невыносимы... Это монотонное канцелярское существование не могло удовлетворять моей подвижной натуре, постоянно жаждавшей перемен, новых образов и ощущений... Город и его окрестности после первых, скоро исчезнувших впечатлений стали мне противны. Я рвался вон, куда бы то

Григорий Гагарин. Тифлис. Мейдан

Тианети

ни было, лишь бы побывать в новых местах, посмотреть поближе на тот Кавказ, который рисовала мне собственная фантазия, возбужденная очерками Марлинского, на те горы и дикие ущелья, где геройствовали наши войска – одним словом, где, казалось, должен быть другой, неведомый мир, полный всяких диковин и сильных ощущений». («Двадцать пять лет на Кавказе»).

Наконец, подвернулся счастливый случай: Арнольд Львович узнал, что начальник Туш-Пшав-Хевсурского округа, князь, майор М.И. Челокаев (Чолокашвили) имел в окружном управлении вакантную должность письмоводителя. Зиссерман подал на нее заявление, которое было принято. С большой радостью и волнением отправился он в путь. Он пришелся по душе князю Челокаеву, который вскоре

стал ему поручать почти все управление округом, включая такие ответственные дела, как разбирание тяжб между местными князьями. Арнольд Львович посвятил себя изучению грузинского языка и грамоты и вскоре стал говорить по-грузински без акцента, одевался, как местный житель и принимал живое участие в пирах и приемах, которые так любил устраивать князь Челокаев. Зиссерман много ездил по краю, стал прекрасным наездником, одолевал самые трудные, самые дикие горные тропинки. Он даже принимал участие в полувоенных действиях против «непокорных» горцев. Одно такое действие произошло в июне 1845 года. Тушины, непривыкшие к жаркому климату Кахети, на лето перекочевывали в горы. Эта ежегодная миграция принимала крупные размеры – собирались большие

Башни в Тушети

вьючные караваны, шло все население, включая стариков, женщин и детей. Переход был трудным, по узким, горным тропинкам. Часто во время таких переходов на тушин нападали дидойцы (один из дагестанских народов аварско-андоцезской группы), их исконные враги. Для охраны обозов от нападений создавались отряды из местной милиции. С одним из таких отрядов отправился и молодой Зиссерман. Несмотря на то, что был июнь, в горах было очень холодно, шел проливной дождь, путь шел по узкой тропинке, с одной стороны которой был бездонный обрыв. Поднявшись на вершину горы, они увидели идущий снизу дым и поняли, что это была враждебная партия дидойцев, остановившихся на ночлег. Было решено атаковать их первыми, пользуясь преимуществом неожиданности. Зиссерман проявил в этой стычке храбрость, хотя

и страдал потом всю жизнь от угрызений совести за такое коварное нападение. За участие в этом деле он получил из рук самого наместника, графа (впоследствии князя) М.С. Воронцова Георгиевский крест – неслыханная вещь для гражданского чиновника! Воронцов был тогда проездом в Тианети. Вот как описывает это радостное событие Арнольд Львович: *«Наконец настало утро памятного мне 20 июля 1846 года. Около девяти часов главнокомандующий вышел из своей комнаты на большую деревянную галерею, окружавшую дом, где толпились вся свита и множество разных князей, почетных жителей, чиновников из Телава, военных из лагеря, приветствовал всех весьма любезно и затем с генералом Вольфом подошел ко мне: «Мне очень приятно, любезный З., слышать о тебе (граф гово-*

Франц Крюгер. П-т Михаила Воронцова

Село в Тушети

рил «ты» молодым людям, которым хотел выразить свое расположение, и оскорбляться этим не только никому не приходило в голову, а напротив, это выходило у него как-то особенно дружески, приветливо) такие лестные со всех сторон отзывы; если бы большинство наших чиновников и офицеров по твоему примеру изучали языки и обычаи страны, то это очень облегчило бы нам всю задачу; к тому же ты еще такой лихой наездник и храбрый воин, что я с особенным удовольствием исполняю просьбу твоего начальника и награждаю тебя Георгиевским крестом, вполне тобой заслуженным». («Двадцать пять лет на Кавказе»). После этого Воронцов обратился с несколькими словами к собравшейся публике. Арнольд Львович, говоря ясно и громко, перевел эти слова

на грузинский язык.

Один из местных князей обратился к наместнику с просьбой о постройке проезжей дороги между Тианети и Тифлисом (до той поры там была только годная для всадников тропинка). Воронцов приказал составить планы и смету дороги и впоследствии Арнольд Львович принимал деятельное участие в ее постройке. Дорога эта принесла большую пользу жителям округа, позволяя им более легко поставлять свои товары в Тифлис.

В 1847 году князь Челокаев внезапно умер и Зиссерман, до назначения нового окружного начальника, вступил в полное управление округом. Ему тогда не было и двадцати трех лет! Насколько он был самостоятельным видно из того, что осенью этого года он собрал отряд из трех-

Григорий Гагарин. Тушин

сот человек милиции, чтобы оказать помощь трем отдаленным аулам в Хевсурети (на северном склоне главного хребта), которым угрожали горцы. Отряд этот попытался сделать зимний переход через главный хребет в очень трудных условиях, но это удалось лишь частично, и только небольшая часть отряда достигла цели. Тем не менее это дало уверенность жителям аулов, что администрация округа не оставит их без защиты.

В одну из его многочисленных поездок по округу Зиссерману как-то довелось быть в северо-западной части Хевсурети, недалеко от горы Борбало. Оттуда открывался просторный вид на долину, упирающуюся прямо в Чечню; виднелись множество аулов и окаймляющие

долину невысокие горы. У Зиссермана зародилась идея, что здесь хорошо бы проложить дорогу, открывающую удобный путь в южную часть Чечни и полезную в военных целях. Вернувшись в Тианети, он составил записку, в которой описал возможные преимущества такой дороги (надо иметь в виду, что он был тогда незначительным *гражданским* чиновником!). Записка эта попала в руки самого наместника, который с большим интересом отнесся к идее и несколько раз вызывал Зиссермана в Тифлис для совещаний с ним и с высшим военным командованием. В конце концов было решено проверить идею на месте, и для этого был специально командирован полковник (!) генерального штаба Ве-

Теодор Горшельт. Милиционер-тушин

Семья тушин

ревкин, которому было приказано пройти по предлагаемому маршруту вместе с молодым Зиссерманом и оценить практическую идею. Они отправились в марте 1848 года. Первая часть пути пешком через главный хребет до хевсурского селения Шатили была чрезвычайно трудной, приходилось преодолевать снежные завалы, переходить бурные потоки. Из Шатили, взяв нескольких местных хабрецов в проводники и одевшись в старые черкески, чтобы не быть легко узнаваемыми, они отправились дальше, уже по чеченской территории. В кистинском ауле Джарего (ныне покинутый аул Джархой на юге Чечни) взяли еще одного местного проводника. Поздним ве-

чером добрались они до аула Цори, в котором, как они знали, старшина довольно дружественно относился к русским. Этот старшина оказал им настоящее кавказское гостеприимство и на следующий день поехал с ними до самого Владикавказа. Путь шел главным образом по ровной местности, под проливным дождем, они избегали аулы и прибыли во Владикавказ поздней ночью. Этот переход небольшой партии из Хевсурети по неосвоенным русскими местам произвел сенсацию. Когда они наутро явились к начальнику Владикавказского округа, генералу Нестерову, то и он, и все его окружающие, принимали Зиссермана за чеченца! *«И неудивительно, потому что сами*

**Храм-напище деканозов
в высокогорной Грузии**

чеченцы не усомнились бы признать меня своим земляком, так преобразился я нескольколетним пребыванием среди горцев... Ну, а наружно и говорить нечего: бритая голова, маленькая русая козлиная бородка, загорелое лицо, костюм, оружие и все ухватки до тончайшей подробности не уступали оригиналу». («Двадцать пять лет на Кавказе»). На вечерах в высшем обществе Владикавказа его даже просили плясать лезгинку, что он с большим удовольствием исполнил.

К сожалению, из идеи Арнольда Львовича, и изо всей бесстрашной экспедиции никаких результатов не было: во-первых, потому что полковник Веревкин был заранее убежден против идеи, и во-вторых потому, что он недостойно себя вел

во время поездки, и между ним и Зиссерманом произошли трения. Приехав в Тифлис, Веревкин доложил наместнику, что постройка дороги стоила бы слишком больших средств, и что он в ней особый пользы не видел. Что он был неправ, можно заключить из того, что десять лет спустя генерал Евдокимов вел отряд именно по этому пути, и хорошая дорога могла бы намного облегчить его движение.

В июле 1848 года Зиссерман, по собственной инициативе, совершил еще один переход из Хевсурети на юг Чечни, в этот раз из селения Муцо в Майсти (по-чеченски Майстой) – места, которые и сегодня считаются отдаленными и малодоступными. Здесь, в одном из аулов, ему было оказано большое гостеприимство местными жителями, и он даже побратался с одним из них, по имени Джокола.

ПЕРВЫЕ ШАГИ НА ЛИТЕРАТУРНОМ ПОПРИЩЕ

Именно в эти «Тионетские» годы Зиссерман сделал свои первые шаги в области литературы и журналистики. В 1846 году по инициативе и при покровительстве М.С. Воронцова в Тифлисе стала издаваться газета «Кавказ». Ее цель была «пред-

ставить Кавказ в настоящем его виде», чтобы «знакомить своих соотечественников с любопытнейшим краем, еще находящимся почти в младенческом состоянии и мало известным», чтобы русскоязычный читатель знал о нем не меньше, чем об Америке, а коренные жители друг о друге» (газета «Кавказ», 1846, №1, с.1). Газета состояла из официального и неофициального – историко-литературного отделов. Первым издателем и редактором газеты «Кавказ» был офицер и писатель, чиновник особых поручений Осип Ильич Константинов. Авторами были представители местной и столичной интеллигенции – профессиональные писатели, представители чиновничьей и военной среды. Вот как описывает свои первые литературные

шаги сам Арнольд Львович: «Несколько прочитанных мною номеров «Кавказа», в которых были помещены рассказы о некоторых военных действиях, поездках по краю и т.п., дали мне мысль попытать себя на литературном поприще... Я описал наше движение в июне 1845 года в горы для прикрытия тушинских караванов и стычку с неприятельской партией, и послал это ученическое произведение к редактору, при весьма робком письме, с большим волнением ожидая, какую судьбу испытает моя первая попытка. Через несколько времени, к великому удовольствию, получился номер газеты с моею статьей, подписанной полным именем автора... В те времена, мне увидеть свое имя первый раз в печати, – да это был восторг... Ободренный таким началом, я после снабжал довольно часто редакцию «Кавказа» статейками о разных поездках по горам, о народных праздниках и других особенно оригинальных чертах народных обычаев и т. п., а впоследствии и военно-историческими очерками по материалам архива главного штаба, в который мне был разрешен свободный доступ». («Двадцать пять лет на Кавказе»).

Илису. Река Курмюк

ЭЛИСУЙСКИЙ ПРИСТАВ

Из-за несложившихся отношений с новым начальником в Тианети, князем Леваном Челокаевым (из того же рода, что предыдущий Челокаев, но не непосредственным его родственником), Зиссерману пришлось подать заявление об увольнении. Очутившись опять в Тифлисе без службы, он был в довольно затруднительном положении. Но и тут случай пришел ему на помощь. Однажды на улице он случайно встретился и разговорился с князем Захарием Георгиевичем Эрстовым (Эрстави), с которым он был зна-

ком, сыном известного старого генерала Георгия Евсеевича Эрстова, представителя одного из древнейших аристократических грузинских родов. Эрстов-младший посоветовал ему обратиться к генералу Чилияеву, который только что был назначен начальником лезгинской линии. Чилияев, в свою очередь, посоветовал Зиссерману подать заявление на вакантную должность пристава, то есть начальника полиции, в Элисуйском владении (*Илисуйский, Елисуйский, Элисуйский султанат, также встречается Цахуро-илисуйское султанство; ныне Илису, в западном Азербайджане*), которую он вскоре и получил.

История Илису чрезвычайно интересна: в древние времена эти места принадлежали Грузии, а впоследствии стали центром независи-

Илису (Гах)

мого султаната, который в 1807 году был присоединен к России, хотя султан оставался правителем *de facto*. Население местности состояло в основном из «ингилойцев» (грузин, перешедших в магометанство) и татар («татарами» тогда называли все тюркские народы, проживавшие на Кавказе). В окружающих горах жили лезгины. Сначала илисуйские султаны активно сотрудничали с русскими властями, но в 1844 году последний из них, султан Даниял-бек, перешел на сторону Шамиля и ушел в горы. В бывшем султанате было тревожное положение, он часто подвергался набегам горцев, и предыдущий пристав, предшественник Зиссермана, был похищен и убит. Это могло бы смутить другого человека, но юный Зиссерман (тогда ему было 24 года) бесстрашно вступил в должность и

Церковь в окрестностях Гаха

принялся за исполнение своих новых обязанностей с присущей ему энергией. Он быстро научился говорить и по-«татарски» (на азербайджанском наречии).

Илису располагается в живописной долине, окруженной крутыми

горами, покрытыми густыми лесами. Собственно, дом и канцелярия Зиссермана находились в ауле Ках (ныне Гах), в двенадцати километрах восточнее от Илису. *«Исподволь перешел я от своего черкесского костюма и оружия к туземному татарскому, стал ходить в кошах (полубашмаки на высоких каблуках), стал курить кальян вместо коротенькой горской трубочки, одним словом, не прошло двух, трех месяцев, я был уже и здесь свой человек»,* – пишет Арнольд Львович. («Двадцать пять лет на Кавказе»).

Пристав в те времена был и судьей, и представителем власти, и Арнольду Львовичу приходилось разбирать много тяжб между жителями, сидя под развесистым деревом в саду своего дома в Кахе. Интересно заметить, что его помощником в те времена был некто Хаджи-Ага (или, как тогда писали, Гаджи-Ага), поручик российской армии, родом горец, который впоследствии прославился тем, что нанес смертельный удар Хаджи-Мурату, когда тот бежал от русских в 1852 году. Этот эпизод описан Толстым в его повести «Хаджи-Мурат», и, как будет сказано ниже, Толстой во время создания этой повести часто приезжал к Зиссерману поговорить о тех временах и деталях бегства и смерти Хаджи-Мурата.

Главной задачей Зиссермана было – предотвратить и по возможности искоренить набеги «качагов» (разбойников). Он принимал для этого всевозможные меры, собирал местное население, просил их

Григорий Гагарин. П-т Хаджи-Мурата

докладывать, когда они узнают о готовящихся набегах, устраивал заставы с подчиненной ему командой донских казаков, но набеги продолжались.

ПЕРЕХОД НА ВОЕННУЮ СЛУЖБУ

С детских лет Арнольд Львович грезил о военной карьере, но судьба до той поры ему этого не даровала. Сбыться этой мечте содействовал сам наместник, князь Михаил Семенович Воронцов. 14 июня 1849 года Воронцов писал военному ми-

Горное ущелье

нистру, князю Чернышеву: «Элисуиский пристав весьма часто должен собирать милицию, участвовать с нею в военных действиях и вообще делать по военным обстоятельствам края распоряжения, могущие быть успешно выполненными только лицами, носящими военное звание. Должность эту занимает ныне губернский секретарь Зиссерман, который известен мне по отличной службе, распорядительности и храбрости, оказанной им в Тушетии, при отражении набегов дидойцев, за что он и получил в 1846 году Георгиевский крест. Желая оставить именно сего чиновника, прошу исходатайствовать Высочайшее соизволение на переименование в корнеты, с состоянием по кавалерии». Чернышев составил доклад императору, в котором было написано, что «по существующим узаконениям Зиссерман никакого права на переиме-

нование не имеет, но в удовлетворение ходатайства князя Воронцова, в уважение заслуг сего чиновника, зависит единственно от Высочайшего соизволения». На докладе распоряжение: «Высочайше повелено исполнить». («Двадцать пять лет на Кавказе»).

Переход Зиссермана с гражданской на военную службу сразу в офицерский чин был чрезвычайно необычным для тех времен: по закону гражданский чиновник, будь он хоть действительным статским советником, если вступал в военную службу, должен был начинать службу юнкером, если раньше не служил.

В начале 1850 года Зиссерман выхлопотал себе четырехмесячный отпуск, побывал в «России» (как тогда говорили на Кавказе), а именно в Петербурге, Киеве, Одессе, пощеголял своими новыми эполетами, на-

сладился балами, театром, оперой, повидался с семьей. По его возвращении генерал Чияев решил оставить его «при себе» в крепости Закаatalы (ныне город Загатаала в Азербайджане) в качестве офицера для особых поручений. Однако Чияев вскоре уехал в длительный отпуск, а исполняющим обязанности стал генерал Бельгард, личность совершенно отличная от Чияева, придающая большое значение различным военным церемониям. Зиссерман принимал участие в экспедиции в горы, предпринятой с целью «наказания» горцев за дерзкие набеги, совершенные в мае 1850 года. Экспедиция эта была исключительно трудной: перевал по узким тропинкам через гору Маал-рас, переправа через бурные реки с артиллерией и вьючными лошадьми, проливной дождь и холод в горах. Зиссерману поручили командовать разведывательной командой в семьдесят человек, и он проявил находчивость и храбрость при переправе, за что был впоследствии произведен в поручики. Однако он сознавал бессмысленность и жестокость таких карательных походов – сожжение аулов, гибель людей с обеих сторон, бессмысленная трата средств.

Положение его в Закаatalах было несколько неопределенным, и он стремился к какому-либо постоянному назначению. Его хороший знакомый и бывший начальник по Илису, князь Захарий Георгиевич Эристов (который служил тогда окружным начальником в Закаatalах) сообщил ему, что он сам ожидал скорого на-

значения командиром Грузинского гренадерского полка и предложил Зиссерману место полкового адъютанта. «Поедем вместе в Тифлис, – сказал он, – и когда мое назначение будет утверждено, отправимся прямо на место». Зиссерман охотно согласился и на следующее же утро они с Эристовым выехали «с оказией», то есть с обозом, сопровождаемым конвоем. Проехав несколько верст на «перекладных» (т.е. в телеге), Зиссерман убедился, что такая езда слишком неудобна, и сообщил Эристову, что вернется пешком в крепость, и поедет в Тифлис через неделю, когда туда собирался один подрядчик в удобном тарантасе. Эристов был недоволен, но отпустил его. Через некоторое время в крепость прибежали взволнованные люди с вестью, что на обоз напали качаги, и Эристов убит. Так Зиссерман чудом избежал верной смерти!

Рихард Зоммер. Гора Эльбрус

СЛУЖБА В КУТАИСИ И ВСТРЕЧА С БУДУЩИМ ИМПЕРАТОРОМ АЛЕКСАНДРОМ II

Незадолго до этого происшествия Зиссерман познакомился с князем Александром Ивановичем Гагариным, губернатором Дербента, которого переводили в Кутаиси на должность военного губернатора. Гагарин предложил ему долж-

Цесаревич Александр Николаевич

Никанор Чернецов. Кутаиси. Руины храма Баграта

Григорий Гагарин. Прибытие коменданта Редут-Кале. Литография А. Ж.-Б. Байо

ность адъютанта. Поскольку более заманчивая перспектива поступления в Грузинский гренадерский полк не совершилась из-за убийства Эристова, Зиссерман решил воспользоваться этим предложением и, взгромоздившись на перекладную, пустился в путь к новым, еще невиданным местам. К большому его сожалению, хотя он жаждал военной службы, ему предложили гражданскую должность помощника уездного начальника. Зиссерман прожил в Кутаиси до конца 1850 года, совершил вместе с А.И. Гагариным и в одиночку несколько весьма интересных поездок по всем направлениям Имеретии, Гурии, Мингрелии и Абхазии, входивших в состав Кутаисской губернии. Везде их встречали с почетом и большим радушием. Об этой поездке у Арнольда Львовича осталась память об особенном,

Василий Тимм. Александр Гагарин

в других местах Кавказа совсем не встречаемом, колорите: «...*густые девственные леса, громадные стволы деревьев, обвитых дикой виноградной лозой и плющом, развалины древних храмов и башен, тоже обросших плющом*». А.Л. Зиссерман у губернатора был постоянным докладчиком и переводчиком массы

Кутаиси. Мост через реку Риони

просителей и жалобщиков. («Двадцать пять лет на Кавказе»).

Одним из ярких моментов в жизни Арнольда Львовича в Кутаиси было сопровождение осенью 1850 года путешествующего по Кавказу наследника престола, будущего императора Александра II. Обмундированный в полную драгунскую форму, при шашке, Зиссерман встречал цесаревича у Сурамского перевала и сопровождал его кортеж до самых дверей переднего экипажа, в котором ехал наследник. Остановившись у Мелитской станции, цесаревич обратился с речью к выстроенному вдоль дороги конвою, состоявшему из полтораста имеретинских князей и дворян, в их оригинальных костюмах, с папанак (традиционный мужской головной убор) вместо шапок на кудрявых головах, с блестящим вооружением, на отличных маленьких лошадаках. Арнольд Львович оглянулся, понял, что им никто не переводил сказанных слов, громко и внятно передал им всю фразу цесаревича по-грузински.

Позже, за обедом, цесаревич спросил: *«Кто это у вас молодой офицер, так хорошо владеющий грузинским языком?»* Ему назвали имя и добавили: *«Этот молодой человек, пробыв несколько месяцев на Лезгинской линии, также отлично выучился по-татарски»*. На это цесаревич ответил: *«Да, если бы нам побольше таких молодых офицеров на Кавказе, польза была бы большая; их нужно поощрять»*. («Двадцать пять лет на Кавказе»). Чуть позже наследник имел возможность оценить и знание А.Л. Зиссерманом немецкого языка. Зиссерман сказал что-то по-немецки кучеру экипажа, немцу-колонисту. Цесаревич обратился к нему с улыбкой: *«Да Вы и по-немецки говорите?»*. «Говорю, Ваше Высочество», – ответил Зиссерман.

Франц Рубо. Переход князя Аргутинского через Кавказский хребет

СЛУЖБА В ДАГЕСТАНСКОМ ПЕХОТНОМ ПОЛКУ

В начале 1851 года А.Л. Зиссерман покинул Кутаисскую губернию и вскоре получил назначение в сравнительно недавно сформированный Дагестанский пехотный полк. Это была крутая перемена в его карьере. Дагестан был тогда одним из главных театров войны, и полк этот был боевым. В начале мая Зиссерман прибыл в Темир Хан Шуру (ныне Буйнакск), бывшую тогда административным центром Дагестана, а затем в селение Ишкарты, штаб-квартиру его нового полка. Он был назначен батальонным адью-

тантом 3-го батальона, стоявшего в селении Кутиши (ныне Кутиша). В июле состоялся поход против горцев под командой князя Аргутинского, Зиссерман принимал в нем активное участие. Во время похода было получено известие, что Хаджи-Мурат с несколькими сотнями своих бойцов проник в Табасаран (мест-

Моисей Аргутинский-Долгорукий

Улица Темир Хан Шуры (ныне Буйнакск)

ность на юге Дагестана) с целью поднять местное население против русских. Аргутинский двинул туда свой отряд, и произошло несколько ожесточенных боев, свидетелем которых был Зиссерман, детально описавший их впоследствии в своей книге «Двадцать пять лет на Кавказе». Поход окончился поражением Хаджи-Мурата, которому удалось с большими потерями вернуться в горы. Поражение стало причиной ссоры между Хаджи-Муратом и Шамилем и перехода Хаджи-Мурата на сторону русских. Под конец похода князь Аргутинский сильно заболел, и Зиссерман был назначен командовать специальной командой солдат, несущих больного на носилках. Ему пришлось прошагать пешком всю дорогу от Табасарана до Темир Хан Шуры (около двухсот верст по горным перевалам), идя возле носилок

с большим генералом!

Через некоторое время он был произведен в ротные командиры. Для этого ему пришлось изучать «фронтovou» (то есть строевую) службу и выдержать экзамен. *«В первые два месяца командования ротой я узнал всех людей и полюбил их всею душой. Ни пьяниц, ни воров, ни буянов; усердные, исправные, добродушно-веселые, всегда радостно меня приветствовавшие, эти истинные представители безропотного, выносливого русского народа не могли не вселить к себе в маломальски порядочном человеке чувства полнейшего уважения и расположения».* («Двадцать пять лет на Кавказе»). Солдаты отвечали ему благодарностью и привязанностью, но никак не могли произнести его фамилию. «Как зовут ротного командира?» «Поручик Басурманов,

Иван Багратион

Ваше благородие!»

Летом 1852 года был опять поход, но отряд стоял лагерем, никаких военных действий не было. Зиссерман занимался со своей ротой строевой учебой и ружейными приемами и получил отличные результаты. Самое неприятное было держать ночные караулы – кавказские ночи бывают холодными даже летом, и часто идет дождь. К осени батальон стал на зимние квартиры в Кутиши. Недалеко от этого места 24 октября произошла кровавая стычка с партией горцев, долго мучившая Арнольда Львовича воспоминаниями.

В мае 1853 года батальон был перемещен в Чир-Юрт (ныне Нижний Чирюрт, Дагестан) для строительных работ. Люди мучились от непрерывного сильного северо-восточного ветра, поднимавшего ежедневно горы песка и пыли. В октябре разразилась русско-турецкая (Крымская)

война, и все молодые офицеры рвались на турецкий фронт. Зиссерман выхлопотал себе отпуск и поехал в Тифлис с тем, чтобы просить своего хорошего знакомого князя Илико Орбельяна (Орбелиани) о переводе в Грузинский гренадерский полк, который действовал против Турции. Однако по приезду в Тифлис он узнал, что князь Орбельян был убит на фронте. Зиссерману пришлось возвращаться в Дагестан. В Тифлисе он в последний раз (хотя только издали) видел князя Воронцова, который покидал край по болезни. После Воронцова главнокомандующим был назначен генерал Н.Н. Муравьев, который был полной противоположностью своему предшественнику Воронцову: человек сухой, суровый и не терпевший никаких возражений. Его личность наложила печать на весь край за время его правления.

На обратном пути из Тифлиса Зиссерман проездом был в Темир Хан Шуре. Здесь с ним произошел забавный и необычный случай: явившись с рапортом к временно командующему войсками генералу Волкову, он застал у него своего хорошего знакомого, капитана Апшеронского полка князя Ивана Романовича Багратиона, племянника героя Отечественной войны, Петра Ивановича Багратиона. Обращаясь к Волкову, Багратион сказал: *«Вот, ваше превосходительство, судьба посылает нам клад; такого «первого любовника» в целом Дагестане не найдете!»* («Двадцать пять лет на Кавказе»). Зиссерман был очень

удивлен этими словами, а Багратион поспешил рассеять его недоумение. Оказалось, что Волков и Багратион решили устроить любительский театр с благотворительной целью. Труппа составила такая, что с большим успехом могла бы выступать в любом провинциальном театре. Особенно хороша была женская труппа, благодаря супруге офицера, которая была актрисой. Недоставало только первого любовника; все кандидаты не удовлетворяли требовательного Багратиона. Арнольд Львович, мотивируя тем, что никогда в жизни не выступал на сцене, не умеет петь и «одержим робостью», отказывался от этой роли. Однако ему приказали остаться в Шуре и принять участие в водевиле «Нет действия без причины». Так очутился он в столице Дагестана, *«среди разгара самой кипучей, беззаботной веселости, между славными ребятами!»* Жил он в квартире Багратиона. *«Багратион – музыкант, певец, танцор, – одним словом, тип воспитанника школы гвардейских юнкеров или пажей и гвардейского кирасирского офицера сороковых годов – был избран режиссером и главным распорядителем; он же писал музыку для куплетного пения, он же обучал оркестр, он же направлял работы декораций, распределял роли и проч.»*. («Двадцать пять лет на Кавказе»). Роль Арнольд Львович выучил, на репетициях удостаивался одобрений и Багратиона, и Волкова, аккуратно присутствующих на всех репетициях, но, очутившись на сцене, перед несколькими сотнями зрителей, сразу

растерялся, затем робость исчезла, и постановка имела большой успех. Целых три месяца провел он в Шуре в качестве «первого любовника». Веселье шло каким-то запоем: то обеды, то балы в клубе, то вечера в частных домах, а главное – каждый день репетиции с завтраками – источник бесконечных забавнейших сцен, сплетен, мелких интриг, анекдотов. С наступлением великого поста театр прекратился, и Арнольд Львович отправился в свою роту. Как ни странно, никаких насмешек ни от его командира, ни от солдат по поводу театра не последовало.

Лето 1854 года батальон простоял в ауле Оглы без особых приключений, а осенью Зиссерман был переведен во второй батальон, который был направлен в Чечню и присоединился к отряду, производившему рубку леса и наступательные действия. Потрясающие картины сожжения аулов этим летом, описанные Зиссерманом в его книге «Двадцать пять лет на Кавказе» читаются с болью. Во время похода начальник отряда, командующий левым флангом Кавказской линии барон Александр Евстафьевич Врангель (дальний родственник военачальника, одного из руководителей Белого движения в годы Гражданской войны), предложил Зиссерману остаться у него в штабе, на что он с радостью согласился. Вскоре поход окончился, и Зиссерман очутился в Грозной, где находился штаб левого фланга.

А. Дьяконов. Владикавказ

СЛУЖБА В ЧЕЧНЕ И ВЛАДИКАВКАЗЕ

«В Грозной началась для меня совершенно новая жизнь – жизнь «штабного». Попасть из фронтовых офицеров в штабные – все равно, что из чернорабочего в барина. Вся тягость службы, все лишения военно-походной жизни, стряхиваются и заменяются разными удобствами, льготами, почетом». («Двадцать пять лет на Кавказе»).

Зиссерман был у Врангеля чем-то вроде личного секретаря, занимался его перепиской и особыми поручениями. Однако вскоре из-за несогласия с главнокомандующим

Врангель покинул Кавказ, и на его место был назначен генерал Ипполит Александрович Вревский, который сохранил за собой также и должность начальника Владикавказского военного округа. Зиссерман продолжал ту же деятельность и при новом начальнике, причем дел было очень много, и ему часто приходилось ездить из Грозной во Владикавказ и назад. Вревский был человеком образованным, умным и деятельным, но несколько горячим и увлекавшимся всевозможными необдуманными идеями и фантазиями. Он был побочным сыном князя Александра Борисовича Куракина, дипломата и вице-канцлера при Павле Первом, прототипа князя Василия Курагина в «Войне и мире». Вревский давал Зиссерману самые разнообразные поручения, как, например, разбор дела о злоупотреблениях в выдаче

Село Ванати. Школьно-причтовое здание с приютом для учащихся

пособий местному населению, а также о потере срочного официального пакета. Все это Арнольд Львович исполнял быстро и аккуратно.

В июле 1855 года Зиссерман участвовал в довольно неудачном походе в горы под командой Вревского, во время которого отряд понес крупные потери. Другие походы состоялись в ноябре и декабре, главным образом для рубки леса и очистки просек. По возвращении Зиссерман был произведен в штабс-капитаны.

Как было сказано выше, Вревский давал Зиссерману самые необычные поручения. Одно из них касалось даже полумиссионерской работы среди местного осетинского населения. «Вам известно, – говорил Вревский, – что не только среди осетин, но и среди горцев, населяющих центральную часть главного хребта, сохранились памятники, доказывающие, что они были христианами. Лишенные в течение многих лет священников, они частью обратились в

мусульманство... частью сделались полуязычниками... Было бы чрезвычайно важно восстановить между всеми этими обществами христианскую веру». («Двадцать пять лет на Кавказе»). Зиссерману было поручено объездить весь округ, узнать, где существуют оставшиеся православные храмы, отвезти туда разные пожертвованные вещи (включая два колокола!) и предложить дальнейшие меры для распространения в округе христианства. Все это он исполнил с присущей ему энергией и умением быстро определить главную сущность дела. Вот что писал он Вревскому 31 октября 1855 года: «Исполняя возложенное на меня поручение, я отправился в Осетию и посетил все деревни, в которых есть церкви, раздал назначенные им вещи под расписки священников и собрал при этом сведения как о положении церквей, о недостатках церковной утвари, как равно и о степени уважения осетин к христиан-

ской вере и исполнении ее обрядов. Из прилагаемого списка видно, какие церкви чем еще надо снабдить; но при этом считаю долгом доложить, что одно украшение церквей не может иметь того благотворного влияния на утверждение между осетинами христианства, которое могло бы быть достигнуто другими, более действительными мерами. Первым условием для достижения цели... я полагаю назначение в эти места священников, которые при знании туземного языка имели бы достаточно силы воли и ума, чтобы приобрести нравственное влияние,.. и более поучениями, выраженными в простых, наглядных формах, а не единственно церковным священнодействием, горцам едва ли понятным, заставили бы их обратиться на истинный христианский путь... Второе и весьма важное условие к утверждению христианства – это заведение сельских школ». («Двад-

цать пять лет на Кавказе»).

Другое поручение Зиссерману от Вревского касалось установления альтернативного маршрута через главный хребет для доставки провианта в Гурию (Западная Грузия) для стоящего там отряда. Его задача заключалась в осмотре и ремонте существующих дорог, проведении новых дорожных участков, где это требовалось, и доставки трехсот мешков муки на ту сторону хребта. «Ночью 2-го февраля (1856 года – К.З.) началась страшная метель, которая в течение трех суток прервала сообщение... О переходе через перевал нельзя было и думать: ужасные сугробы снега покрыли все видимое пространство, а беспрерывный вихрь затемнял воздух». («Двадцать пять лет на Кавказе»). Переждав трое суток в убогой сакле и дождавшись хорошей погоды, Зиссерман в сопровождении трехсот осетин, каждый из которых нес

Крепость Грозная

Грозный. Собор Св. Космы и Дамиана

мешок с мукой весом в 3,48 пуда (57 килограммов!) перевалил через хребет и таким образом успешно выполнил и это поручение.

К сожалению, как часто бывает в жизни (а у Арнольда Львовича в особенности), из этих двух последних поручений ничего серьезного не получилось. Постановление провианта через горы в Гурию оказалось

ненужным, потому что окончилась Крымская война и стоявший в Гурии полк ушел оттуда. А с докладом о церковных делах Вревский послал Зиссермана к начальнику главного штаба в Тифлис, который отнесся к этой инициативе исключительно сухо и пренебрежительно, и сказал: «Помилуйте, время ли теперь такими делами заниматься?» На этом дело и кончилось.

Вскоре Вревский сдал свою временную должность начальника левого фланга генералу Н.И. Евдокимову, и Зиссерман стал служить у нового начальника. Евдокимов назначил его заведующим походной канцелярией и отделением генерального штаба в Грозной. У Зиссермана с Евдокимовым сложились прекрасные отношения: генерал говорил с ним, как с равным, охотно делился мнениями, и выслуши-

Теодор Горшелъ. Пленный Шамиль перед главнокомандующим князем Барятинским

вал его соображения. Положение Зиссермана в Грозной как офицера Дагестанского полка было аномальным, и он попросил перевода в Кавбардинский полк (непосредственно подчинявшийся Евдокимову), что вскоре и состоялось.

Летом 1856 года нелюбимый всеми наместник Н.Н. Муравьев был заменен князем Александром Ивановичем Барятинским. Это назначение обрадовало всех – Барятинский был «свой», кавказец, с большим опытом в местных делах и известный всем как прекрасный администратор. Зиссерман с генералом Евдокимовым отправились встречать его в Петровск, куда он прибыл по морю из Астрахани. Левый фланг Кавказской линии был переименован в «Левое крыло» и утроился в размерах, и работа закипела. *«В моем лице тогда заключалось чуть ли не пять должностей: и дежурный штаб-офицер, и личный секретарь командующего войсками, и чиновник особых поручений, и офицер генерального штаба, нередко и сам переписчик особо важных, секретных бумаг... Как ни тяжела подчас приходилась эта суетливая 15-16 часовая в сутки работа, утомления я не чувствовал».* («Двадцать пять лет на Кавказе»). В декабре 1856 года Зиссерман опять в походе с большим отрядом под командой генерала Евдокимова для рубки леса (под огнем горцев), после чего он переболел тифом. Потом опять походы и опять усиленная работа в штабе в Грозной, перебиваемая только бессонными ночами за азартной игрой в

карты. Ко всему этому прибавилось и поручение от самого Барятинского писать корреспонденции и статьи для столичных журналов о военных действиях на Кавказе. Барятинский был в этом отношении совершенно современным политиком и знал ценность общественного мнения, в особенности в Европе.

В апреле 1857 года князь Барятинский совершил большую поездку по Северному Кавказу. Эта поездка была отчасти церемониальной – войска встречали и приветствовали своего нового главнокомандующего – и отчасти была его ознакомлением с обстановкой в крае. Зиссерман с генералом Евдокимовым сопровождали главнокомандующего в составе многочисленной свиты. Однажды в шесть часов утра в Моздоке Зиссерман был вызван к главнокомандующему, который дал ему особое поручение: он сказал, что только что получил жалобу от ногайцев (кочующие племена, заселяющие северокавказские степи). В жалобе говорилось о злоупотреблениях местных властей, якобы обирающих и притесняющих ногайцев. Барятинский

Грозный. Синагога и мечеть

Чечня. Ауль Хани

приказал Зиссерману ехать немедленно в степи и узнать о правдивости этих обвинений. Приехав к временным селениям степных жителей, Зиссерман велел поставить себе отдельную кибитку вдали от помещения местного русского пристава и начал принимать посетителей-ногайцев, которых собралось несколько сот желающих лично пожаловаться представителю наместника. Опрошив более шестисот (!) ногайцев, Зиссерман пришел к заключению, что жалоба была правдивой и что злоупотребления и притеснения существовали. Составив письменный доклад, он поскакал в Усть-Лабу и присоединился к поезду главнокомандующего. Когда он подал свой доклад, Барятинский спросил его, что, по его мнению, следовало делать дальше. Зиссерман сказал, что следовало бы составить комиссию

для подробного исследования дела. Барятинский одобрил это предложение и приказал Зиссерману ехать в Ставрополь и передать дело губернатору. К сожалению, из-за выбора

Башни Чечни

председателя комиссии она не дала никаких результатов, и все продолжалось по-прежнему!

Лето 1857 года Зиссерман провел, помимо обычных штабных дел, за писанием статей в петербургские журналы по поручению князя Барятинского о положении на Кавказе. А осенью он опять в походе под предводительством генерала Евдокимова – на этот раз в так называемую «Малую Чечню». Так получилось, что один казак попросил Арнольда Львовича быть крестным отцом его новорожденной дочери, и крестины были назначены как раз на тот вечер, когда отряд уходил в поход. *«Обряд крещения, при всей торпливости священника, продолжался столько времени, что почти совсем стемнело. Сгущенный мрак церкви, мерцающие свечи, монотонное чтение, возбужденные нервы, род какого-то особого беспокойства – не то перед ожидаемую опасностью, не то перед возможностью опоздать к выезду начальства... но я весьма тревожно простоял все время и на вопрос, какое имя дать девочке почти машинально сказал: София, вспомнив, почему-то о моей сестре. Только что окончился обряд, я попросил батюшку благословить и меня и отца крестницы, тоже уходящего в поход с сотней и, вскочив на лошадь, поспешил к дому командующего войсками, но он уже выехал. Догнал я его только в верстах двух-трех за крепостью. «– Вы где это, почтеннейший, запропалились? Верно по сердечным делам?» «– Нет-с, Ваше превосходительство, по*

церковным. Сейчас только окрестил девочку у казака и прямо из церкви прискакал!» («Двадцать пять лет на Кавказе»). Этот поход был особенно кровавым, с крупными потерями с обеих сторон. Зиссерман должен был скакать с одного места баталии на другое, передавая приказания командующего и оценивая ход дела. Несколькими неделями позже состоялся еще один поход, на этот раз в «Большую Чечню», в котором Зиссерман тоже принимал участие.

По окончании похода генерал Евдокимов дал Зиссерману особое поручение: во Владикавказе действовал комитет по определению личных и поземельных прав местных жителей, но дело не продвигалось. Евдокимов послал Арнольда Львовича туда делопроизводителем, чтобы дать делу толчок и помочь председателю комитета, старому генералу Граматину, не очень опытному в подобных вещах. Зиссерман за несколько месяцев ознакомился с правовым вопросом и составил отчет, в котором он проявил незаурядное понимание важности этого вопроса в устройении человеческого общества, и предложил ряд дальнейших действий. Это было удивительно для человека без высшего образования и показывает его многогранность и умение быстро схватывать суть дела. Однако за время своего пребывания в Владикавказе, он не упустил случая насладиться развлечениями, которыми увлекалась местная молодежь: балами, пикниками, поездками за город на саях и т.п.

Военно-Грузинская дорога

Иван Александровский. Русский лагерь под Гунибом

В феврале 1858 года он выхлопотал себе четырехмесячный отпуск и поехал в Петербург. Там он познакомился с Панаевым и Некрасовым, которые издавали тогда журнал «Современник», основанный еще Александром Сергеевичем Пушкиным. Там же встретился он и с известным критиком и публицистом Н.А. Добролюбовым. Говорили о Кавказе (о котором у людей было самое смутное представление), о статьях Зиссермана в «Современнике». На вечере в одном доме познакомился он с поэтом Тарасом Шевченко.

ОПЯТЬ В ДАГЕСТАНЕ

По окончании отпуска Зиссерман перешел на должность офицера по особым поручениям при генерале Врангеле, который незадолго до этого вернулся на Кавказ и был назначен командующим войсками в Прикаспийском крае. Зиссерман стал быстро продвигаться по службе и был произведен в майоры, а затем и в подполковники. Война на восточном Кавказе стала заметно подходить к концу: горцы были истощены борьбой, и их надежда на

победу стала таять. Летом 1859 года состоялся последний, решительный поход русских войск на восточном Кавказе. Зиссерман принимал в нем участие прикомандированным к походной канцелярии. (В. Инсарский. «Поход 1859 года – из кавказских воспоминаний». Москва, 1868), но у него было еще и особое назначение – по поручению самого главнокомандующего, он имел также и роль корреспондента петербургских журналов, и впоследствии опубликовал подробное описание этих действий. (А. Зиссерман. «Очерк последних военных действий на восточном Кавказе». «Современник» №7, 1860).

В августе русские войска осадили укрепленный аул Гуниб, последнее убежище Шамиля, как орлиное гнездо расположившееся на вершине горы Гуниб в Дагестане. Положение Шамиля было безвыходно. Он долго колебался – сдаться или продолжать сопротивление, решил сопротивляться, но русские храбрецы взобрались по канатам на отвесные скалы, окружавшие площадку, где стояла его артиллерия, и Шамилю пришлось отойти к самому аулу. Тут разразился ожесточенный бой, в результате которого Шамилю не осталось ничего другого, как сдаться. «25 августа 1859 года я спускался по крутой тропинке с Гуниба; рядом со мной ехал Шамиль, бледный, задумчивый, положив обе руки на переднюю луку седла... Итак, думал я, конец этой шестидесятилетней истории!». (А. Зиссерман. «Очерк последних военных действий на восточном Кавказе». «Современник»

№7, 1860). Русские власти поступили с Шамилем весьма гуманно: он был представлен императору Александру II, и ему, и его семье было отведено место жительства в Калуге. Со временем он принес присягу на верноподданство России, присутствовал на венчании царевича Александра (будущего императора Александра III), и был отпущен на хадж (паломничество) в Мекку.

ЖЕНИТЬБА И СЛУЖБА НА КУБАНИ

После окончания войны на восточном Кавказе, Зиссерман провел некоторое время в Тифлисе. Мы догадываемся, что главным его занятием здесь было составление статей для столичных журналов о последних военных действиях по поручению князя Барятинского.

В Тифлисе он познакомился с семнадцатилетней выпускницей петербургского Смольного института Анной фон Смиттен – дочерью Василия Ивановича (Петера Вильгельма) фон Смиттена – начальника финансового департамента управления Кавказского наместничества, родом из старинной семьи эстляндских (эстонских) дворян шведского происхождения. Анна Васильевна не осталась равнодушной к ухаживаниям энергичного и умного офице-

ра с боевыми орденами на груди, и вскоре состоялась свадьба. Этот брак открыл доступ Зиссерману в круг влиятельных людей немецкого происхождения, находившихся тогда в Тифлисе. Нужно заметить, что у Смиттенов были родственные связи с некоторыми из виднейших лиц в России, например – с мореплавателем Крузенштерном, героем Отечественной войны Барклаем де Толли, и даже с некоторыми европейскими аристократическими семьями. В октябре 1860 года у Арнольда Львовича и Анны Васильевны родилась дочь Елена.

Несмотря на то, что война на восточном Кавказе была окончена, на северо-западе она продолжалась еще пять лет. Зиссерман был произведен в полковники и назначен командиром первой бригады Кубанского казачьего войска, с штаб-квартирой в станице Ладожской. Здесь ему привелось опять служить под начальством обожаемого им генерала Евдокимова, который был назначен командующим войсками в Кубанской области. Мы не имеем сведений об участии Зиссермана в военных действиях за это время, но знаем, что он был отцом для своих казаков. Как он писал впоследствии, *«бригадный командир был в те времена альфой и омегой всех общественных отправлений, деяний и интересов»*. (А. Зиссерман. «Поездка на Кубань», «Русский Вестник» кн. 12, 1875). В эти годы он также проявил свой ораторский талант: когда генерал Евдокимов уходил в отставку в 1865 году, то в Ставрополе был

устроен торжественный обед на 600 персон. *«Все были одеты в полную парадную форму с эполетами, орденами, а генералы в лентах и звездах. На временно устроенных хорах было много городских дам и других зрителей. Два хора музыки играли во время стола. Все это, в совокупности взятое, представляло самую торжественную, восхитительную картину. После второго блюда начались торжественные тосты. Первый, как всегда и везде... за драгоценнейшее здоровье обожаемого всеми монарха... Второй за главнокомандующего Кавказскою армиею великого князя Михаила Николаевича... Настала очередь тоста за боевого вождя кавказских войск графа Николая Ивановича Евдокимова. Водворилась полная тишина. Первую прекрасную, прочувствованную речь... произнес от имени всех войск командир 1-й бригады Кубанского казачьего войска полковник Зиссерман, сам составитель этой речи, известный писатель и красноречивый оратор. Когда он кончил и провозгласил тост за здоровье графа Евдокимова, восторженным крикам ура не было конца»*. (И.С. Кравцов. «Кавказ и его военачальники – Н.Н. Муравьев, А.И. Барятинский и Н.И. Евдокимов». «Русская Старина» 1886. Кн. 6 и 7).

Зиссерман провел более четырех лет в станице Ладожской, построил себе дом, и здесь родились его дочери Ольга и София. В этом доме впоследствии расположилась войсковая учительская семинария, которую он посетил в 1875 году,

Река Большой Зеленчук

когда уже жил в Петербурге, и от которой получил самое благоприятное впечатление. Арнольд Львович пробыл в должности бригадного командира до 1867 года, завершив таким образом двадцать пять лет доблестной службы на Кавказе. В 1865 году ему был пожалован Александром II в награду за службу и преимущественно за боевую деятельность во время Кавказской войны, в «вечное и потомственное владение» участок в 1000 десятин (приблизительно 1100 га) на северном берегу реки Зеленчук (приток Кубани), где он основал имение «Награда», вблизи которого сейчас находится хутор его имени – Зиссермановский. Там он построил небольшой дом и

развел сад и виноградник, но долго ему там жить не пришлось: вскоре он вышел в отставку. Его здоровье было подорвано многолетней военной службой. Главным образом был поврежден его слух – он почти совсем оглох и страдал от постоянного шума в ушах. Очевидно, это было последствием долгих, холодных ночевок под дождем на кавказских перевалах, хотя по одной версии (сохранившейся как семейное предание) это было оттого, что однажды в жаркий летний день он заставил своего денщика вылить ему на голову ушат холодной воды.

Арнольд Львович с дочерьми

ЖИЗНЬ В ПЕТЕРБУРГЕ И ЗА ГРАНИЦЕЙ

Переехав в Петербург, Арнольд Львович посвятил себя почти полностью писательской деятельности. Кроме его мемуара «Двадцать пять лет на Кавказе 1842-1867», его главными трудами были – «История 80 пехотного Кабардинского князя Барятинского полка» (охватывающая почти всю историю Кавказской войны) и обширная биография князя Барятинского, изданная после смерти последнего «Фельдмаршал князь А.И. Барятинский». Кроме этого, он регулярно писал статьи в таких изданиях, как «Современник», «Русский

Архив», «Русская старина», «Русский Вестник», «Московские Ведомости» и др. Он приобрел репутацию неоспоримого знатока-специалиста по всем вопросам, связанным с Кавказской войной (и с Кавказом вообще). Но его интересы не ограничивались одним Кавказом. В таких произведениях, как «Письма из деревни» он затрагивал глубокие социальные вопросы о положении крестьян, о широко распространенных злоупотреблениях в административных кругах России. Также писал он и о внешнеполитических вопросах, и его статьи нашли широкий отклик у читающей публики. Он сблизился с М.Н. Катковым, издателем «Московских Ведомостей» и «Русского Вестника», но впоследствии разошелся с ним во мнениях. Также был он близок с А.С. Сувориным, издателем «Нового Времени» и П.И. Бартевым, издателем «Русского Архива» (В.А. Зиссерман. Неопубликованные мемуары). Его мировоззрение и политические взгляды можно оценить, как «просвещенный консерватизм». Он был глубоким русским патриотом, верил в правильность существующего строя в России (то есть монархии), но призывал к искоренению отрицательных качеств общества – взяточничества, неравноправия, жестокости к низшим классам.

Некоторое время Зиссерман с семьей провел за границей, преимущественно в Германии. Здесь, в курортном местечке Шандау, в 1872 году родился его младший сын Владимир – дед автора.

Храм Иверской иконы Божией Матери. Село Лутовиново Тульской области

ЖИЗНЬ В ЛУТОВИНОВО. ОБЩЕНИЕ С Л.Н. ТОЛСТЫМ. СМЕРТЬ.

В 1880-х годах, желая уйти на покой в деревню, Арнольд Львович стал подыскивать уже устроенное имение где-нибудь в средней полосе России – в Тверской, Смоленской, Московской губерниях. Наконец, в 1889 году ему удалось найти подходящую по расположению, устрой-

ству и цене усадьбу – 289 десятин в Тульской губернии, при сельце Лутовиново, с чудной дубовой рощей и заливаемыми лугами по реке Упе, и семья обосновалась там. Зиссерман с энтузиазмом принялся за хозяйство. Его близким соседом был Лев Николаевич Толстой, и они время от времени бывали друг у друга. Толстой приезжал к Зиссерману верхом, чтобы послушать его рассказы о кавказских походах и в особенности о Хаджи-Мурате, которого Зиссерман однажды видел, хоть и издалека, во время Табасаранского похода. Подробности ссоры между Шамилем и Хаджи-Муратом, его перехода на русскую сторону и последующего бегства очень интересовали Толстого. Эти материалы он впоследствии использовал в повести «Хаджи-Мурат».

Жизнь Арнольда Львовича оборвалась трагическим образом: 4 (16) сентября 1897 года он с сыном Павлом был на рубке леса в своем имении. Сын сказал ему, что надо быть осторожным, на что Арнольд Львович усмехнулся и ответил, что бывал не на одной рубке леса на Кавказе, и ничего с ним не случилось. В этот момент стало падать подрубленное дерево. Из-за своей глухоты Зиссерман не услышал предупреждающий окрик сына, и дерево, задев его своей макушкой, убило его наповал. Он был похоронен в селе Кишкино Тульской губернии, в церковной ограде храма Рождества Пресвятой Богородицы. Могила его, к сожалению, не сохранилась. Автору удалось побывать там в 2008 году и поговорить со старожилами. Храм этот в то время был полуразрушен, и на месте церковной ограды было расположено предприятие по заготовке корма для лошадей. Теперь храм реставрирован, и в нем идут богослужения.

В некрологе на смерть Арнольда Львовича журнал «Русский Архив» писал: «Труды Зиссермана на боевом и мирном поприщах останутся навсегда памятны русским людям».

СЕМЬЯ И ПОТОМКИ

Когда Арнольд Львович прочно обосновался на Кавказе, туда за ним последовала вся его семья, включая его родителей. Его отец Лев Арнольдович дослужился до чина статского советника и к концу своей карьеры был старшим ординатором Пятигорского военного госпиталя. Брат Юлиан служил ротмистром Переяславского драгунского полка и был непререкаемым членом Дворянского Земельного банка в Тифлисе. Другой брат, Генрих, окончив Киевский университет, долгое время служил прокурором Ставропольского окружного суда, был также отличным шахматистом и выдающимся составителем шахматных задач, которые до сих пор пользуются большой известностью в шахматных кругах.

Забегая вперед на два поколения, нужно сказать несколько слов о внуке Генриха Львовича, Николае Юрьевиче (1897-1918). Он был воспитанником Училища правоведения и впоследствии подпоручиком 84-го пехотного Ширванского полка. Погиб в страшном пекле Гражданской войны. На его смерть писали: *«Происходя из военной семьи, традиционно связанной с Кавказом, по окончании ускоренных курсов Пажеского Корпуса, вышел в 84-й пехотный*

**Внуки Арнольда Зиссермана: Павел, Николай, Владимир и Константин.
Вена. 1938**

Ширванский Его Величества полк. В начале Гражданской войны застрелился, попав в окружение красных, чем подтвердил свою верность началам, которые сызмальства исповедовал».

Сестра Арнольда Львовича София была замужем за подольским дворянином польского происхождения, Руденко-Сахновским, имела двух сыновей, которые принимали участие в русско-турецкой войне.

Следует особо отметить младшего брата Арнольда Львовича, Карла. Он начал службу в 1859 году, в судебном департаменте главного управления кавказского наместника. Как член Тифлисского распорядительного городского правления, и как правитель канцелярии губернатора, Карл Львович внес существенный вклад в благоустройство города. Кроме того, он принимал

участие в комиссии по устройству Кавказского коннозаводства. Был редактором «Сборника статистических материалов по Тифлисской губернии». В 1876 году он был назначен ставропольским вице-губернатором, а через шесть лет – губернатором. За время управления этой губернией Карл Львович принимал все меры по улучшению благосостояния вверенного ему края. В 1887 году его назначили на должность Тифлисского губернатора. Его блестящая карьера оборвалась в 1888 году, когда он скоропостижно умер в возрасте 49 лет.

Сын Карла Львовича, Иван занимал должность обер-офицера для делопроизводства по военной части при Кутаисском военном губернаторе; с 1900 года – член Кутаисского губернского по крестьянским делам присутствия; на лето 1916 года – ге-

**Петр Зиссерман с отцом,
Иваном Карловичем**

нерал-майор. Принимал участие в Первой мировой и Гражданской войнах и умер в эмиграции в Египте. У Ивана Карловича было несколько детей. Один из них, Петр Иванович Зиссерман – пушкинист, родился в Кутаисской губернии в 1888 году. После революции остался в России. В Ленинграде с октября 1926 по июль 1930 года был научным сотрудником Пушкинского Дома. В связи с так называемым «делом Пушкинского Дома» – одним из трагических эпизодов сталинских репрессий – был арестован и расстрелян. Несколько его работ опубликовано в сборнике «Пушкин и его современники».

У Арнольда Львовича и Анны Васильевны было четыре дочери и три сына. Старшая дочь Елена к безутешному горю родителей умерла в возрасте 22 лет в Тифлисе. Вот что пишет о ней в своих воспоминаниях ее младший брат Владимир: *«Затрудняюсь достаточно выразительно описать эту замечательную девушку – природный ум, чутье, такт, начитанность, знание языков, изящество повадки, благородство чувств и взглядов, любовь к родителям, се-*

трам и братьям, наконец чудесное сопрано, музыкальность – все гармонично сочеталось в незабвенной Леночке». (В.А. Зиссерман. Неопубликованные мемуары). Причина ее смерти в таком раннем возрасте нам неизвестна, но были семейные толки, что это было самоубийство из-за несчастной любви. Следующие две дочери – Ольга и София – вышли замуж за двух братьев, остзейских баронов Оскара и Германа Тизенгаузенов. Затем следовал сын Василий – профессиональный пианист и преподаватель музыки.

Следующий сын Арнольда Львовича – Павел – был большим оригиналом. Во время русско-японской войны командовал казачьей сотней, участвовал во многих сражениях,

Павел Арнольдович Зиссерман

Церемония открытия мемориальной доски

получил ряд орденов и наград. Выйдя в отставку, женился и уехал на родину жены в Ярославскую губернию, где выстроил себе невероятный замок в готическом стиле. Замок этот был местной достопримечательностью, но в 1960-х был разобран «по кирпичику», как пишет одна местная жительница. Остался только роскошный парк. Павел Арнольдович мнил себя чуть ли не каким-то тевтонским рыцарем. Погиб в Киеве в Гражданскую войну.

Младший сын – Владимир (дед автора), окончив юридический факультет Московского университета, служил в Государственном банке. Выйдя в отставку в 1907 году, постоянно жил в Лутовинове, занимался сельским хозяйством, был земским начальником. Когда разразилась Первая мировая война, он был призван на военную службу. Революция застала его на турецком фронте, откуда он с группой солдат и офицеров был переброшен на Дальний Восток, где присоединился к Белому движе-

Павел Владимирович Зиссерман

нию. После окончания Гражданской войны переехал в Харбин, где долгое время служил на Китайско-Восточной железной дороге, а после оккупации Маньчжурии Японией, на Южно-Маньчжурской железной дороге.

Из детей Владимира следует осо-

Владимир Арнольдovich Зиссерман

бенно отметить его третьего сына – Павла. Вторая мировая война застала его в Бельгии. Он был схвачен фашистами и заключен в концентрационный лагерь, откуда ему удалось бежать и присоединиться к группе французских партизан в Савойе. Павел Зиссерман героически пал в 1942-м году недалеко от деревни Le Petit Bornand, когда партизаны атаковали немецкий карательный отряд у горного перевала. Павел был убит, прикрывая отступление своих товарищей. Его останки захоронены в ограде храма в Le Petit Bornand. Спустя более пятидесяти лет после смерти, на месте его гибели, на ска-

ле была укреплена памятная доска. Сын автора, тоже Павел (названный в честь двоюродного деда – героя) посетил эти места глубокой, снежной зимой 2002 года. Можно представить себе чувства юноши, когда он, смахивая рукой снег с памятной доски, вдруг увидел на ней свое собственное имя!

Жизнь младшей дочери Арнольда и Анны Зиссерман – Евгении – сложилась нелегко. Она была выдающимся человеком, хорошо знала иностранные языки и всю жизнь преподавала их, даже изобрела свой собственный «жизненный метод» преподавания. Вышла замуж за Николая Николаевича Генеропитомцева и имела двух дочерей, одна из которых умерла в ранней молодости. Муж ее был слаб здоровьем и тоже умер в 1918 году, как и дочь. Вся жизнь Евгении Арнольдovны – самоотверженная борьба за существование. Она умерла в 1931 году в Ленинграде в возрасте всего лишь 56 лет.

Потомки Владимира теперь разбросаны по всему миру. Двое внуков живут в Австралии, один – в США, остальные – в Англии, Франции и Швейцарии. Потомки Евгении – единственные, оставшиеся в России – находятся в Иркутске и Красноярске. Но всему этому поколению дорога память об их замечательном предке.

Константин Николаевич Зиссерман с супругой и сыновьями Степаном и Павлом

С внуками: Константином, Антониной, Львом и Майей

БИБЛИОГРАФИЯ

Газета «Кавказ», 1846, №1, С.1.

Зиссерман А. Л. Очерк последних военных действий на восточном Кавказе. // Современник. – 1860. №7.

Зиссерман А.Л. Поездка на Кубань. // Русский Вестник. – 1875. – Кн. 12.

Зиссерман А.Л. Двадцать пять лет на Кавказе. 1842-1867: в 2-х частях. Типография А.С. Суворина, СПб., 1879.

Зиссерман А.Л. Двадцать пять лет на Кавказе. 1842-1867, Часть 3, // Русский Архив. – 1884.

Зиссерман А.Л. (некролог). // Исторический вестник. – СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1897. – Т. 70, №11. – С. 716-717.

Зиссерман А. Л. (некролог). // Русский архив : Историко-литературный сборник / Сост. и изд. П. И. Бартенев и Ю. П. Бартенев. – М.: Универ. тип., 1897. – Вып. 10. – С. 312.

Зиссерман, В. А. Неопубликованные мемуары. Архив К. Н. Зиссермана. Сидней, Австралия.

Зиссерман К.Н. Путешествие в родные места. // Газ. «Единение» Сидней, Австралия. – 2010.

Зиссерман К.Н. Его именем назван хутор. // Газ. Прикубанские огни, ст. Тбилисская. – 2012. – 9 октября.

Зиссерман К.Н., Мелкадзе Н. В. Истинный кавказец: Арнольд Львович Зиссерман. // Русский клуб. – 2020. – №1. – С.42-50.

Зиссерман К.Н., Мелкадзе Н. В. В водовороте великого перелома. // Русский клуб. – 2020. № 6. – С.37-45.

Инсарский В. Поход 1859 года – из кавказских воспоминаний. Москва, 1868.

Кравцов И.С. Кавказ и его военачальники – Н. Н. Муравьев, А. И. Барятинский и Н.И. Евдокимов // Русская Старина. – 1886. – Кн. 6, 7.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА	5
ВСТУПЛЕНИЕ	6
ПРОИСХОЖДЕНИЕ, СЕМЬЯ, ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ	7
ПУТЕШЕСТВИЕ НА КАВКАЗ	10
ЖИЗНЬ В ТИФЛИСЕ И «ТИОНЕТАХ» (ТИАНЕТИ)	15
ПЕРВЫЕ ШАГИ НА ЛИТЕРАТУРНОМ ПОПРИЩЕ	21
ЭЛИСУЙСКИЙ ПРИСТАВ	23
ПЕРЕХОД НА ВОЕННУЮ СЛУЖБУ	25
СЛУЖБА В КУТАИСИ И ВСТРЕЧА С БУДУЩИМ ИМПЕРАТОРОМ АЛЕКСАНДРОМ II	30
СЛУЖБА В ДАГЕСТАНСКОМ ПЕХОТНОМ ПОЛКУ	33
СЛУЖБА В ЧЕЧНЕ И ВЛАДИКАВКАЗЕ	37
ОПЯТЬ В ДАГЕСТАНЕ	46
ЖЕНИТЬБА И СЛУЖБА НА КУБАНИ	47
ЖИЗНЬ В ПЕТЕРБУРГЕ И ЗА ГРАНИЦЕЙ	50
ЖИЗНЬ В ЛУТОВИНОВО.	
ОБЩЕНИЕ С Л.Н. ТОЛСТЫМ. СМЕРТЬ.	51
СЕМЬЯ И ПОТОМКИ	52
БИБЛИОГРАФИЯ	58

რუსულ-ქართული კულტურული ურთიერთობები ქვეშარიტად ისტორიული მოვლენაა, რომელსაც ანალოგი არ აქვს.

რუსეთსა და საქართველოს ურთიერთობები სათავეს მათე საუკუნეში იღებს – უძველეს ქრონიკებში ნახსენებია საქართველო და თბილისი. 1491 წელს დამყარდა დიპლომატიური ურთიერთობები. პეტრე პირველის დროს მდინარე პრესნიაზე საფუძველი ჩაეყარა ქართულ დასახლებას (თავდაპირველად – „გრუზინი“, ახლა – ბოლშაია გრუზინსკაია). XVIII საუკუნის ბოლოდან, გეორგიევსკის ტრაქტატის დადების შემდეგ, 1783 წელს ორ ქვეყანას შორის განსაკუთრებით მჭიდრო და ინტენსიური ურთიერთობები დამყარდა.

საქართველო პასუხობდა მფარველობას დახმარებითა და მხარდაჭერით – მათ შორის კულტურული და სულიერით. ბევრმა რუსეთში დევნილმა დიდმა რუსმა საქართველოში თავშესაფარი მიიღო. ისინი აქ ყოველთვის პოულობდნენ თავისუფლებას, სამსახურს და თავყვანისცემას.

სერია „რუსები საქართველოში“ – რუსული ხელოვნების, რელიგიის, მეცნიერების, ლიტერატურის, სპორტის მოღვაწეების საქართველოში ყოფნის მდიდარი ისტორიის სისტემატური გაშუქების პირველი მცდელობაა, იმ გამოჩენილი ადამიანების, რომლებიც იმსახურებენ მაღლიერ ხსოვნას შთამომავლობისაგან.

სერია რუსეთ-საქართველოს ურთიერთობების ნამდვილი ენციკლოპედია იქნება.

პროექტის მიზანია ხელი შეუწყოს რუსეთის კულტურული მემკვიდრეობის პოპულარიზაციას, ააღორძინოს ინტერესი რუსეთის მიმართ საქართველოში და პირიქით, საზოგადოებრივი და კულტურული დიალოგის გაღრმავებას ორი მართლმადიდებელი მეზობელ ერს შორის.

Russian-Georgian cultural relations are truly a historical phenomenon that has no analogues.

Russia and Georgia are bound by eleven centuries of mutual intercourse. Starting of those relations dates back to the X century – Georgia and Tbilisi are mentioned in the ancient chronicles. In 1491 diplomatic relations were established. During Peter the Great's reign on the banks of the river Presnia was built Georgian settlement (colloquially – "Georgians", now – Bolshaya Gruzinskaya (Great Georgian). And at the end of the XVIII century, after signing of Georgievski Treaty in 1783, the relationship between two countries became particularly close and intense.

Georgia answered with help and support on this patronage. Many great Russians found shelter here – disgraced and persecuted in Russia, in Georgia they always found freedom, work and reverence.

A series "Russians in Georgia" is the first attempt of systematic coverage of the rich history of staying in Georgia outstanding Russian artists, religious leaders, scientists, writers, sportsman worthy grateful memory of descendants.

The series will be a real encyclopedia of Russian-Georgian relations.

The project aims promoting the Russian cultural heritage, the revival of interest to Russia in Georgia and to Georgia in Russia, intensifying social dialogue and cultural exchange of the two Orthodox neighbor nations.

Издатель –
Международный культурно-просветительский Союз
«Русский клуб»

Руководитель проекта –
НИКОЛАЙ СВЕТИЦКИЙ
заслуженный деятель искусств РФ,
заслуженный артист РФ

При поддержке Фонда «Русский мир»

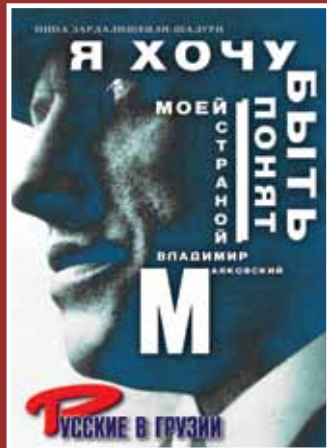
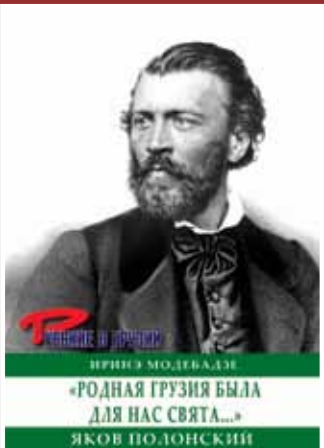
КОНСТАНТИН ЗИССЕРМАН
ЛЕТОПИСЕЦ КАВКАЗА
АРНОЛЬД ЗИССЕРМАН

Редактор
АЛЕКСАНДР СВАТИКОВ

Дизайн, компьютерное обеспечение
ДАВИД ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Над книгой работали
НИНЕЛЬ МЕЛКАДЗЕ
МАРИНА МАМАЦАШВИЛИ
ЕЛЕНА ГАЛАШЕВСКАЯ

ИЗДАНИЯ «РУССКОГО КЛУБА»

Константин Николаевич Зиссерман родился 4 марта 1940 года в городе Харбине в Маньчжоу-Го, образованном Японией на территории оккупированной ею Маньчжурии (северо-восточный Китай). В Харбине с конца XIX века до 1960-х годов существовала большая русская колония. В 1945 году Маньчжурия была освобождена от японской власти советскими войсками и возвращена в состав Китая. Учился в католическом лицее св. Николая, затем в советских школах и получил аттестат зрелости в 1956 году. В 1957 году вместе с отцом, двумя братьями и бабушкой (с материнской стороны) эмигрировал в Австралию. Мать, урожденная Нефедьева, в 1951 году умерла от туберкулеза. В Сиднее поступил в Университет Нового Южного Уэльса на факультет химической технологии и окончил его в 1964 году. Более двадцати лет проработал в британской фирме Imperial Chemical Industries, а затем в одном из государственных учреждений австралийского штата Новый Южный Уэльс. Несмотря на техническое образование и службу, всегда тяготел к гуманитарным наукам, музыке, языкам. В 1964 году женился на Галине Анатольевне, урожденной Поповой. Имеют двух сыновей – Павла и Степана, двух внуков и двух внучков. Семья сохранила русский язык и русские традиции.

Международный культурно-просветительский Союз «Русский клуб» (МКПС) – грузинская общественная неправительственная организация. Зарегистрирована в 2003 году. Входит в Международный союз российских соотечественников (МСРС). Президент Союза – Николай Свентицкий, директор Тбилисского государственного академического русского драматического театра им. А.С. Грибоедова, заслуженный деятель искусств РФ, кавалер Ордена Дружбы. На сегодняшний день членами Союза являются более пяти тысяч людей из разных стран мира – как частные персоны, так и целые организации. Главная задача «Русского клуба» – всестороннее развитие и укрепление культурных связей между Грузией и Россией как двумя независимыми государствами на основе сотрудничества, дружбы и взаимопонимания. Деятельность союза охватывает самые разные сферы жизни – литературу и искусство, образование и науку, спорт и туризм. С момента основания Союз организовал и реализовал более 350 разнообразных проектов, самый масштабный из которых – ежегодный Международный русско-грузинский поэтический фестиваль (2007-2014); за семь лет участниками фестиваля были ведущие поэты Грузии и более пятисот литераторов из почти пятидесяти стран мира. Союз является издателем общественно-художественного журнала «Русский клуб», серий «Литературное приложение» к журналу, «Библиотека «Русского клуба», «Детская книга».

